

Самый крутой баритон

Звезда оперы выходит на эстраду

Один из лучших баритонов мира, Дмитрий Хворостовский, появляется в Москве с концертами сравнительно редко. Он слишком занят в репертуаре главных мировых оперных театров и по-прежнему выступает в самых престижных концертных залах. Однако в ноябре его услышит и публика российской столицы. Новая программа обещает много неожиданного: Хворостовский будет петь песни Игоря Крутого.

– По Москве расклеены афиши ваших совместных концертов с композитором, который больше известен как автор эстрадных песен. Чем вызван ваш неожиданный интерес к популярной музыке?

– В этом нет ничего неожиданного. Ещё в школе я играл в вокально-инструментальном ансамбле, потом основательно отвлёкся от этого жанра, а в последние годы стал к нему возвращаться. Особенно после того, как выпустил диск с военными песнями. Тогда же прошла целая серия концертов. Они имели большой успех. Я увидел, какой резонанс вызывает каждое моё выступление с этим репертуаром. Мне было просто интересно – я вырос на советских песнях. На песнях Соловьёва-Седого, Бабаджаняна, Пахмутовой. Они классика нашей эстрады. Песни для той программы я отбирал сам: просто сел и написал список любимых произведений по памяти. Но, конечно, я прежде всего оперный певец. И, честно говоря, мне было трудно вообразить, что когда-нибудь я стану петь современные эстрадные песни. Но вот возник проект с Игорем Крутым. Он мой товарищ, я его очень уважаю. И мне кажется, что получилось у нас с ним нечто такое, чего ещё никто на эстраде не делал. Иногда говорят, что от соприкосновения с эстрадной музыкой оперный певец обязательно что-то теряет. Я так не думаю. Мне кажется, любой сценический опыт полезен.

– Значит ли это, что вы намерены продолжать работу на эстраде?

– По-моему, ничего не нужно загадывать. Не нужно зарекаться, но и строить какие-то особенно далекоидущие планы не следует. Я оперный певец и вряд ли когда-нибудь смогу сделать карьеру Кобзона или Магомаева. Кстати, когда-то великий Муслим Магомаев шёл по стопам знаменитого Марио Ланца. Учился в Ла Скала, был одним из первых советских стажёров, имел великолепную возможность сделать потрясающую оперную карьеру, но совершил, как известно, другой выбор.

– А, например, петь джаз вы не хотели бы?

– В детстве пытался, но понял, что не могу хорошо импровизировать. Джазовым исполнителем надо родиться. Я и роком увлекался. Родители были в ужасе от моих экспериментов.

– Не связано ли ваше обращение к эстраде с ограниченностью оперного репертуара? Может быть, вы просто устали от оперных шлягеров, которые всё время вынуждены повторять?

– Ничего подобного. Я не спел и половины того репертуара, который хотел бы спеть. У меня есть целый список мечтаний.

– А современная оперная музыка вас не интересует?

– Петь современную оперу очень сложно. Во всяком случае, для моего голоса. У современных опер своя специфика. А к своему голосу я отношусь как к дару. Его нужно лелеять, развивать и использовать в нужном амплуа.

– Как вы думаете, со смертью Шнитке, Свиридова, Гаврилина русская музыка закончилась?

– Слушатель отстаёт от создателя как минимум на век. То, что написано выдающимися композиторами современности, ещё ждёт своего часа. Уверен, что XXI век будет веком русской музыки.

– Вам знакомо чувство ностальгии?

– Знакомо. По России, по русской речи, по лицам, которые мне дороги. По природе – немножко, в основном – по соотечественникам. Слышать русскую речь, читать книги, говорить на русском языке для меня огромное удовольствие. Но вот что интересно: первые дни на родине даются мне всегда довольно трудно. Я ощущаю себя косноязычным и неловким. Потом привыкаю.

– Артист с мировым именем всегда космополит?

– Космополит поневоле. Моя жизнь хуже цыганской. Дома не бываю, на одном месте не задерживаюсь дольше недели.

– Как вы оцениваете нынешнее состояние русской культуры? Многие говорят, что она умирает.

– Я не вижу оснований для такого утверждения. Я всё же сравнительно часто выступаю в России, сотрудничаю с российскими оркестрами. И вижу, что музыканты в прекрасной форме, в Москве проходит много отличных концертов, много театральных премьер, выставок. Построили Дом музыки с несколькими залами и студиями записи. Да и в мире очень много русских музыкантов, которые успешно работают. Но вот система музыкального образования в школе, с моей точки зрения, должна быть иной. Я заканчивал Красноярское педагогическое училище и после него работал в обычной общеобразовательной школе, читал ребятам лекции. В середине урока ребята начинали засыпать. Но однажды мне надо было показать три различные оперные арии. Я сел к инструменту и спел басовую, баритональную и теноровую арии. С тех пор ребята ходили за мной табунами, и мы даже организовали свой хор. Я уверен, что многие из моих учеников интересуются классикой до сих пор.

– А какие впечатления сформировали вас как певца?

– На меня повлияли мои родители и бабушка. Они настаивали на том, чтобы я учился музыке. Следующим поворотным моментом в судьбе стала Красноярская консерватория, где я учился в классе Екатерины Йоффель. В начале второго курса я попал в оперный театр, был самым молодым и самым самонадеянным солистом. Необычайное участие в моей жизни и моей карьере с первых шагов приняла Ирина Архипова. Я всегда с благодарностью вспоминаю об этом. А поворотным моментом в моей карьере стала победа на конкурсе Би-би-си в Кардифе, куда Ирина Константиновна меня не просто пригласила, она меня заставила туда поехать.

– Вас уже почти официально называют голосом нации. Тогда почему вы не поёте на сцене Большого?

– Мне всегда хотелось там петь. Но сейчас Большой на ремонте. К тому же театр, который предполагает контрактную систему взаимоотношений с артистами, должен иметь хорошо подготовленные оркестр и хор. А учитывая современные требования к театральным постановкам, не обойтись без самой лучшей аппаратуры. Такого, к сожалению, в Большом театре пока нет. Тем не менее, если будет интересная постановка интересного режиссёра и меня пригласят, я с удовольствием спую.

Беседовал Юрий Арпишкин